

Старый дворецкий с ностальгической улыбкой положил Дэмиена на свою большую кровать, окружив малыша высоким «забором» из толстого одеяла. Только тогда он немного успокоился, тихо вышел из комнаты и вернулся в Бэт-пещеру.

Он отсутствовал недолго, но Брюс уже успел привести в порядок большую часть комнаты для подготовки.

Разбитые детали были собраны на столе, хотя для того, чтобы собрать их в прежний вид, потребовалось бы немало усилий.

Обрывки картонных коробок были сложены в один пустой ящик, и наконец пол снова стал чистым.

Диван был полностью испорчен, и Брюс выбросил его у двери, видимо, собираясь вынести. Его чёрный плащ, испачканный слюной и мочой, был скомкан и брошен в угол, выглядел он довольно жалко.

Совесть Альфа, увлечённая заботой о малыше, внезапно вернулась на место, и он с запозданием осознал, что его хозяин, возможно, пережил куда более тяжёлые испытания.

Брюс заканчивал уборку и, услышав шаги, сразу же обернулся:

— Он уже уснул?

Он снял доспехи и был одет в длинный серо-голубой халат, что делало царапины на его шее ещё более заметными.

Альф нахмурился:

— Ещё болит?

Брюс долго думал над вопросом, прежде чем осторожно ответить:

— Ты про пулевое ранение? Прошло уже несколько дней, оно почти зажило, и я больше не чувствую боли.

Озадаченное выражение лица Альфа сменилось на обеспокоенное:

— Я говорю о новых ранах на вашей шее!

Брюс не придавал значения таким мелким царапинам, поэтому, когда его спросили, он подумал о пулевом ранении.

Он равнодушно сказал:

— Это просто пара царапин от «котёнка», ничего серьёзного. Я уже убрал лезвие.

— Лезвие? — Альф удивился.

Брюс с удивлением ответил:

— А как ты думал, откуда взялись эти порезы на диване? Малыш поцарапал его когтями?

Альф молчанием подтвердил, что именно так он и думал.

Мог ли он сказать, что сам он не был человеком и поэтому на мгновение забыл, каким должен быть уровень агрессии у человеческого ребёнка? Хотя, подумав, даже лезвие — это ненормально!

— Почему у Дэмиена была такая штука? — Альф не мог понять.

Брюс, однако, имел некоторые предположения:

— Возможно, безумная Талия дала ему это, а может, он где-то украл. Альф, этот малыш не такой безобидный, как ты думаешь.

Альф спокойно ответил:

— Но и не такой опасный, как вы думаете. Он всё ещё управляем.

Брюс с досадой сказал:

— Надеюсь, я смогу его воспитать.

— Если он действительно ваш сын. — Альф принёс свой медицинский чемоданчик и усадил Брюса на диван. — Позвольте мне взглянуть на ваши раны.

Брюс тихо сказал:

— Даже если это не так, я не могу просто оставить его. В Готэме и так слишком много преступников, по крайней мере, не стоит добавлять к ним Дэмиена.

Альф смочил ватный тампон в спирте и начал обрабатывать царапины на шее Брюса. Это было немного больно, но Брюс, казалось, привык к этому и даже не моргнул.

Как он и говорил, эта боль была ничтожной.

Когда он впервые стал городским стражем, скрывая это от Альфа, он даже сам зашивал свои раны. Тогда, чтобы сохранить ясность ума и ловкость пальцев, он никогда не использовал анестезию.

Он вытерпел ту боль, когда зашивал свою плоть, а сейчас это была всего лишь дезинфекция, которая и в сравнение не шла.

Но Альф всё равно переживал.

Период заботы о малыше прошёл, и хозяин снова стал единственным, кто занимал его мысли.

Он уверенно обработал раны, наложил повязку и убрал медицинский чемоданчик, выбросив использованные ватные тампоны и бинты, после чего вернулся к хозяину.

Он взглянул на диван и сказал:

— Хорошо, что мы его ещё не выбросили, он всё ещё может пригодиться.

В комнате для подготовки было много вращающихся стульев, но для Альфа они были не так удобны, как диван. Чтобы обработать раны более удобно и минимизировать дискомфорт хозяина, Альф предпочитал диван.

Но только на сегодня.

Брюс поправил халат, встал и оглядел изрезанный диван с торчащей поролоновой набивкой. Без сожаления он сказал:

— Завтра утром я его выброшу.

— Лучше попозже, хозяин. — сказал Альф. — Сначала мы отвезём Дэмиена на анализ.

Брюс удивился:

— Ты даже больше меня торопишься?

— Я не хочу, чтобы вы сомневались, в чём бы то ни было. — сказал Альф. — Мы можем обратиться к доктору Томпкинс, она сохранит вашу тайну.

— Если у меня действительно есть незаконнорожденный сын? — Брюс понимал, о чём говорит его дворецкий. — Конечно, Лесли всегда держит слово.

Лесли Томпкинс когда-то была семейным врачом Уэйнов, позже, благодаря финансированию его отца, она открыла свою больницу. Благодаря её мастерству она стала одной из известных фигур в Готэме.

С тех пор как Брюс себя помнил, Лесли всегда была добра к нему. В юности он не понимал почему, но сейчас...

Брюс взглянул на Альфа и с лёгкой насмешкой сказал:

— С тобой рядом, Лесли, конечно, будет ко мне внимательна.

Альф с подозрением посмотрел на него:

— О чём вы говорите?

Брюс удивился:

— Ты разве не знаешь?

Альф был в полном недоумении:

— Что я должен знать?

Брюс нахмурился, как будто не мог понять:

— Лесли добивалась тебя больше десяти лет, я всегда думал, что ты притворяешься, что не замечаешь, чтобы просто отказать ей?

— Не может быть. — Альф категорически возразил, и у него были основания. — У неё никогда не переводились парни.

Брюс с уверенностью сказал:

— Какое отношение имеет её ухаживание к тому, есть у неё парень или нет?

Альф чувствовал, что в этом утверждении что-то не так, но выражение лица Брюса было

слишком серьёзным, а тон слишком уверенным, что заставило его на мгновение усомниться, не преувеличивает ли он?

Но правда в том, что он не испытывал чувств к Томпкинс, или, возможно, он просто не был человеком и не мог понять человеческую интерпретацию любви. Для него единственным понятным и приемлемым чувством была семейная привязанность.

Кроме того, эта женщина-врач, кроме как говорить с ним о бессмысленных вещах и смотреть на него с подёргиванием уголков глаз, ничего значимого не делала, так что он мог и не знать.

Альф быстро убедил себя и без труда продолжил:

— Тогда я позвоню завтра утром и запишу нас на приём в частную клинику Томпкинс.

Брюс оставил эту тему и согласился с дворецким:

— Хорошо, тогда сегодня ляжем пораньше.

Его ночной патруль был прерван на полпути, но ранний подъём завтра не будет проблемой.

Альф кивнул, согласившись с этим предложением.

Они вернулись в поместье, поднялись на второй этаж и скоро оказались у двери комнаты Альфа.

В этот момент из-за двери раздался громкий звук падения чего-то тяжёлого, за которым последовал треск разбивающихся предметов.

Брюс даже привык к этому:

— Он, похоже, проснулся.

Альф открыл дверь и сразу увидел малыша, который, проснувшись, усердно разрушал его комнату.

— Он действительно необычный. — Брюс смотрел на малыша, который, казалось, был охвачен жадной насилья и разрушения, и начал что-то понимать. — Это причина, по которой Талия прислала его сюда?

— Пока неясно. — Альф обернулся к своему хозяину, а затем внезапно широко раскрыл глаза, уставившись на что-то позади него. — Но, похоже, у нас появились новые проблемы.

Едва он произнёс эти слова, из-за спины Брюса раздался сонный голос.

— На что вы смотрите? — Дик зевнул и, потирая глаза, медленно подошёл с той стороны, где стоял Брюс.

— Ты ещё не спишь? — Брюс задал глупый вопрос.

Очевидно, Дик тоже так подумал, он остановился, потирая глаза, и с недовольством сказал:

— Меня разбудили, папа.

[Папа?]

Брюс обдумывал это новое слово, и его лицо постепенно стало странным. Если бы нужно было описать это, то это было что-то между смущением и скрытым удовольствием, плюс небольшая доля неловкости от непривычки. В общем, это было явное принятие.

<http://bllate.org/book/16236/1459284>